

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

А. Г. Сазыкин

"ПОВЕСТЬ О ЧОЙДЖИД-ДАГИНИ" В РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЯХ УЛАН-БАТОРА

"Повесть о Чойджид-дагине", одно из весьма популярных и широко распространенных произведений средневековой литературы, созданное в Тибете в начале XVI в.¹ и уже в XVII в. переведенное на монгольский язык ойратским Зая-пандитой², дошло до нас в многочисленных рукописях и ксилографических изданиях, хранящихся ныне в различных собраниях монгольской письменности³. Несколько рукописей "Повести о Чойджид-дагине" упоминается также в каталогах коллекции монгольских рукописей и ксилографов Центральной государственной Публичной библиотеки г. Улан-Батора⁴. Автору статьи довелось ознакомиться с ними, а также и с другими рукописными образцами повести, находящимися в иных, не имеющих печатных каталогов, рукописных собраниях во время пребывания в Улан-Баторе в конце 1976 г.

Всего в уланбаторских рукописных фондах нами были выявлены 11 монгольских рукописей, а также ургинское ксилографическое издание "Повести о Чойджид-дагине", известное нам прежде лишь по упоминаниям в работах В. Хейсига существовании такового в коллекции монгольских рукописей и ксилографов Национальной библиотеки в Париже⁵. Монгольские рукописи и экземпляры ургинского ксилографического издания повести представлены в Улан-Баторе в следующих рукописных собраниях:

Четыре рукописи "Повести о Чойджид-дагине" хранятся в Государственной Публичной библиотеке (ГПБ):

1. Индекс: 895.4/4-753, инв. № 2049.

Заглавие на обложке: *Ling oron-u Čoyiǰid gegč-i-yer tamu-yin janggi bayidal kiged ʎobolang edlekü yosu terigüten-ni ʎegüǰügsen abqu gegekü-yin toli kemekü* ("Повесть/ под названием "Зеркало принятия и отвержения, показывающее различные страдания и устройство ада", /рассказанная/ Чойджид из Лина"). Заглавие на л. 1а: *Čoyiǰid dagini-yin tuǰuǰi* ("Повесть о Чойджид-дагине")⁶. На внутренней стороне нижней обложки рукописи приклеен матерчатый ярлык с еще одним названием сочинения: *Čoyiǰid dagini-yin namtar. Nige debter* ("Жизнеописание Чойджид-дагине". Одна книга).

Рукопись: тетрадь в обложке, обтянутой желтым шелком; 121 с. (текст) + 3 чистых с. + обложка; размер страницы 24x23,5, размер текста 18x15; 12 строк на странице; бумага китайская, листы двойные; тушь черная; кисть; пагинация постраничная (далее – ГПБ-1).

2. Индекс: 895.4/4-753, инв. № 2051.

Заглавие на обложке: *Mungqaǰ-un qarangǰui-yi geiyǰüǰügsi biligün ʎula kemekü. Čoyiǰid dagini Erlig-yin ʎaǰar očiǰad bučaǰu iregsen namtar* ("Жизнеописание Чойджид-дагине, сошедшей в страну Эрлига, под заглавием: "Свеча разума, освещающая мрак невежества")⁷. Это же заглавие повторено на л. 1а. Название сочинения в конце рукописи (с. 126): *Erdeni-yin Čoyiǰid dagini Erlig-ün ʎaǰar očiǰad iregsen-ü namtar ene bui. Mungqaǰ-yin qarangǰui-yi geiyǰüǰügsi bilig-ün ʎula kemeku ʎaǰar* ("Это жизнеописание драгоценной Чойджид-дагине, прибывшей во владения Эрлига. Шастра под названием "Свеча разума, освещающая мрак невежества"").

Рукопись: тетрадь, 4 чистых листа + 127 с. текста + 2 чистых листа + обложка; размер страницы 26x26, размер текста 20x16; 13 строк на странице; бумага китайская, листы двойные; тушь черная; кисть; пагинация постраничная (далее – ГПБ-2.).

3. Индекс: 895.4/4-753, инв. № 4764.

Заглавие на обложке: Erdeni Čoyiǰid dagini-yin namtar. Mungqaq qarangγui-yi gevigüü-gči bilig-ün Julia kemekü ("Биография драгоценной Чойджид-дагини, под названием "Свеча разума, освещающая мрак невества"")⁸. Такое же название сочинения помещено в конце рукописи на с. 96.

Рукопись; тетрадь в желтой матерчатой обложке, 96 л.; размер страницы 25x12,5 см, размер текста 23x9; 7 строк на странице; бумага китайская, листы двойные; тушь черная; кисть; пагинация полистная (далее – ГПБ-3).

4. Индекс: 895.4/4-753, инв. № 2048.

Заглавие на обложке: Čoyiǰid dagini-yin tuγuǰi ("Повесть о Чойджид-дагини")⁹.

Начинается: ... buyan-li üiledkü ügei-ber ülü barin nigen gergei abuγad darui keüked-i minu ĵobaqu bayinam ...

Оканчивается (с. 108): ... öber-ün keüked-luγ-a qamtu abuγad künesü geǰi keyid-tü quvaraq bolon mani ungšijū ergin mörgül üiledjū nigen nasuban tegüskiy-e kemen burqan šitügen-e ĵula küǰi...

Рукопись дефектная (начало и конец отсутствуют); тетрадь в желтой матерчатой обложке, 108 с., размер страницы 25,5x13 см, размер текста 18x9; 11-12 строк на странице; бумага китайская, листы двойные; тушь черная; кисть; пагинация постраничная (далее – ГПБ-4).

В сравнительно небольшой по объему, но умело подобранной и потому содержащей немало интересных и ценных с научной точки зрения образцов монгольской литературы коллекции рукописей и ксилографов Института языка и литературы (ИЯЛ) АН МНР имеются еще пять монгольских рукописей и экземпляр ургинского ксилографического издания "Повести о Чойджид-дагини". Все собрание рукописей и ксилографов ИЯЛ АН МНР разделено на две коллекции, в одной из которых, включающей материалы на старописьменном монгольском языке, находятся четыре рукописи и ургинский ксилограф повести:

1. Индекс: М-34(82)-б, С-1.

Обложка и первый лист отсутствуют.

Начинается на л. 26: ... toγ-a kemekü daγun inu mingγan luu-yin daγun metü daγuris-qan-dur ĵigügesün ayuqu anu sedkiši ügei bolbai... Заканчивается на л. 29б: ... öber-ün sedkil burqan mon kemen tanil ügei buruγu ĵüglen aqū yosun-i udq-a-dur ülü süsüglegčün-nügüd abšiq kötölbüri nom ĵurba-yin ...

Рукопись дефектная (начало и конец отсутствуют); тетрадь без обложки, лл. 26-29б; размер страницы 28x24 см, размер текста 24x19; 14 строк на странице; бумага китайская, листы двойные; тушь черная; кисть; пагинация полистная (далее – ИЯЛ-1).

2. Индекс: М-34(87), С-2.

Erdeni Čoyiǰid dagini-yin tuγuǰi orošibai ("Повесть о драгоценной Чойджид-дагини").

Рукопись; 41 л., размер страницы 34x10,5 см, размер текста 26,5x9, 21-23 строки на странице; бумага русская, желтоватая, с рельефным знаком: «Фабрика/ Успенская»; чернила черные; перо; пагинация полистная (далее – ИЯЛ-2).

3. Индекс: М-34/421/, С-2.

Erlig nom-un qaγan-u ĵarlijū ĵakiy-a. Čoyiǰid dagini-yin namtar sudur orošibai ("Послание-наказ Эрлиг номун-хана. Сутра-биография Чойджид-дагини").

Рукопись; 43 л., размер страницы 36x11, размер текста 31x9; 24 строки на странице; бумага русская, желтоватая, с рельефными знаками: "Фабрики наследников Сумкина № 8", "Высочайше утв./ержденной/ компании Угличской фабрики", "Татаровской фабрики Протасьева № 6"; чернила черные и красные; перо; пагинация полистная (далее – ИЯЛ-3).

4. Индекс: М-58 (181), С-1.

Без заглавия.

Начало (л. 1б): Ôm na-ni pad-me hûm (3 раза). Čoytu dededü blam-a ĵaĵu tegüs nõg-čigsen burqan dededü nom qutuγ-tan quvaraq-ud-tur bida ĵigūγan ĵüil...

Рукопись; 68 л., размер страницы 33x10,5 см, размер текста 27x9; 17-18 строк на странице; бумага русская, желтоватая, с филигранью: "1854"; чернила черные; перо; пагинация полистная (далее – ИЯЛ-4).

5. Индекс: М-34(82)-а, С-1.

Рукописное заглавие на обложке: *Erdeni Čoyiǰid dagini-yin namtar sudur orošibai* ("Сутра-биография драгоценной Чойджид-дагини")¹⁰.

Ургинский ксилограф¹¹; 115 л.¹², размер страницы 30,5х10 см, размер текста 25,5х8; 17-18 строк на странице; пагинация полистная (далее – ИЯЛ-5).

Одна ойратская рукопись "Повести о Чойджид-дагини", содержащая, как это явствует из колофона рукописи, заяпандитовский перевод этого сочинения, хранится среди других, написанных ойратским "ясным письмом" рукописей, составляющих отдельную коллекцию ИЯЛ АН МНР:

Индекс: 294.

Erdeni-tū Erliq nomiyin xāni zakā zarliq orošiboi ("Послание-наказ драгоценного Эрлиг номун-хана")¹³.

Рукопись; 52 л., размер страницы 35х10 см, размер текста 29х7; 27-31 строка на странице; бумага русская, белая, с рельефными знаками: "Сумкина" и "Фабрики Сумкина № 7"; чернила черные и красные; перо; пагинация полистная (далее – ИЯЛ-6).

Другая рукопись повести, написанная ойратским "ясным письмом", принадлежит академику Ц. Дамдинсурэну. Рукопись озаглавлена:

Nomiyin xāni zakā. Cos-skyid daginayin toli biciqtū ilayuxsan tuγuǰi o/ro/šibo ("Послание Номун-хана. Повесть о Чойджид-дагини, отображенная в зеркале и книге /судеб/").

Заканчивается на л. 66б: ...*ôm ma-ni pad-me hūm: dēdū xutuqtu nidūber ūzeqciyin gegēni ūzēn: xurban xoron Erliqiyin cerigiyn ilaxu boltuγai: amitan būgūde ...*

Рукопись; 66 л. (последний лист отсутствует), размер страницы 31,5х8 см, размер текста 26х6,5; 25 строк на странице; бумага русская, желтоватая; чернила черные и красные; перо; пагинация полистная (далее – А).

Хотя в этой рукописи утрачен последний лист, заключающий в себе большую и, вероятнее всего, содержащую имена участников этого перевода, часть колофона, тем не менее, сопоставление ее текста с текстом ойратской рукописи ИЯЛ-6 не оставляет сомнения в том, что и в этом списке представлен заяпандитовский перевод повести.

Еще с одной монгольской рукописью "Повести о Чойджид-дагини" нам довелось ознакомиться в стенах Государственного педагогического института Улан-Батора. Заглавие на обложке: *Ling-un oron-u Čoyiǰid dagini-yin tēuke. Ūkūged Erliq tamu-yin yaǰar-ača dakin ergeǰū amilayxan tuqai bičigsen tēuke yūm* («История Чойджид-дагини из местности. Лин. История об умершей и вновь ожившей, вернувшейся из адских владений Эрлига»).

Начинается: ...*blam-a-bar bosoyad menekei ūkūdel-ūn toloγai degere mudur-iyān talbiγad itegel yabuγulun nom nomlajū ...* Заканчивается: ...*minu sūnesū ūkūdel-ūn oroi-bar orobai kemekū nigen sanaydayxan tedūi nigen-ten ebšiyelū ōber-ūn gerūn oron-u...*

Рукопись дефектная (начало и конец отсутствуют): тетрадь, 61 л. + обложка; размер страницы 25,5х13 см, размер текста 22х9; 8 строк на странице; бумага китайская; листы двойные; тушь черная; кисть; без пагинации (далее – Б).

Помимо официальных рукописных фондов, в Улан-Баторе немалое число рукописных материалов имеется также в частных собраниях¹⁴. Так, одна рукопись "Повести о Чойджид-дагини" была предоставлена нам для работы во временное пользование сотрудником ИЯЛ АН МНР – Д. Ёндоном. На обложке рукописи помещено заглавие: *Ling tōrkūm-tū Čoyiǰid dagini-a kemekū bey-e uqayxan qoyar qayacixsan čay-tur jōbolang boluxsan yosu kiged: tamuyin oron-u jang Erliq qayxan-u jarliq jakiy-a ūgūleǰū ilagixsan nuγud-yi busud-tur tusa bolqu-yin tulada bičisuyai: ene Čoyiǰid dagini-a tuγuǰi kemekū sudur bolai: sayin buyan arbidqaqu boltuγai.*

Столь странное заглавие этой рукописи объясняется тем, что на обложку вынесено в несколько сокращенном виде предисловие сочинения, следующее в повести сразу за инициальной формулой поклонения (л. 1б): ...*Ling tōrkūmtū Čoyiǰid*

dagini bi ḡadaḡadu bey-e dotoḡadu uqaḡan qoyar qaḡaḡıḡsan ḡaḡtur ḡobalang boluḡsan yosu kiged buyan kilinḡe-yin tusa kedüi bolqu-yin yosu ba: tamu-yin oron-u ḡang Erlig qaḡan-u ḡarlıḡ ḡakıy-a ḡḡüleḡi ilaḡıḡsan: busud-tur tus bolqu-yin tulada biḡisuḡai : ... (Я, по имени Чойджид из рода Лин, запишу для пользы других о том, как была отправлена с посланием владыки ада Эрлиг-хана о причинах посмертных страданий, а также о том, каковы результаты добрых и греховных деяний.) И если опустить эту часть заглавия, а также благопожелание: Sayın buyan arbidqaqu boltuḡai (Да приумножится добродетель!), то остается весьма краткое и традиционное название сочинения: ḡoyıḡid dagini-a tuḡıḡi ketekü sudur bolai ("Сутра, называемая "Повесть о Чойджид-дагини"").

Рукопись; 31 л., размер страницы 22,3x7 см, размер текста 20,3x6; 19-27 строк на странице; бумага русская, белая, с рельефным знаком: "Первушина сыновей в Вятке № 6"; чернила черные; перо; пагинация полистная (далее – В).

Итак, "Повесть о Чойджид-дагини", представленная в уланбаторских рукописных фондах целым рядом рукописей и экземплярами ургинского ксилографического издания, встречается, как мы видим, под самыми различными названиями, от весьма лаконичного (ГПБ-4) до пространного и обстоятельного (ГПБ-1, В). Тем не менее среди этого разнообразия нетрудно выделить две основные номинативные традиции, уже достаточно ясно обнаруживающиеся на материале рукописных и иных образцов этого сочинения, хранящихся в собраниях Ленинграда. По одной из этих традиций, в заглавиях монгольских переводов повести, следуя примеру тибетского оригинала, озаглавленного: *Gling-bza cos-skyid kyi nram-t'ar* ("Биография госпожи Чойджид из Лина")¹⁵, также неизменно подчеркивается личная судьба Чойджид, история ее смерти и путешествия в ад (ГПБ-1, ГПБ-2, ГПБ-3, ГПБ-4, ИЯЛ-2, ИЯЛ-5). Иное заглавие сочинения находим на обложках ойратских рукописей заяпандитовского перевода. В этих заглавиях выделена небольшая по объему, но очень важная с дидактической точки зрения часть повести, содержащая послание Эрлиг-хана ко всем живущим на земле, где в наиболее чистом виде изложен компендиум всей нравственной догматики буддизма (ИЯЛ-6)¹⁶. Рукописи и ксилографические издания из уланбаторских собраний дают не только дополнительный материал, подтверждающий наши прежние выводы о двух сосуществующих номинативных традициях в отношении "Повести о Чойджид-дагини", но и возможность говорить об ином, объединяющем оба предыдущих, компромиссном варианте заглавия повести. Так, на обложках двух уланбаторских рукописей читаем: "Послание-наказ Эрлиг номун-хана. Сутра-биография Чойджид-дагини" (ИЯЛ-3); "Послание Номун-хана. Повесть о Чойджид-дагини, отображенная в зеркале и книге./судеб/" (А). Любопытно, что инициатива образования такого компромиссного варианта заглавия повести исходит и от ойратов, и от монголов. Уланбаторские рукописные образцы повести дают также основание усомниться теперь в том, что заглавие повести было дано Заяпандитой, что прежде казалось достаточно правдоподобным, так как ранее был известен лишь один вариант заглавия тибетского оригинала повести, сообщенный В. Барухом¹⁷. Академиком Ц. Дамдинсурэном нам были любезно показаны пять тибетоязычных рукописей сочинения, содержащих один и тот же вариант повести и имеющие одинаковые заглавия, совершенно отличные от известного нам ранее¹⁸: *Ling-pa'i yul-gyi chos-spyod zhes-bya-ba'i nram-thar chos-rgyal gshin-rje'i 'phrin-pa dad-pa'i, 'jug-ngogs gru-'dzin zhing-mjal zhes-bya-ba bzhugs so* ("Жизнеописание так называемой Чойджид из местности Лин. Послание Эрлиг номун-хана под названием "Переправа благочестия, ведущая в Поталу"). И, следовательно, Заяпандита либо только использовал часть уже существовавшего в Тибете заглавия, либо, что тоже вполне возможно, онполнил свой перевод с рукописи, уже имевшей такой сокращенный вариант заглавия. Все эти тибетоязычные рукописи "Повести о Чойджид-дагини", виденные нами в Улан-Баторе, содержат вариант, по составу и порядку глав не отличающийся от большинства монгольских рукописей, но существенно разнящийся в языковом отношении и известный лишь по единственной монголюязычной рукописи ГПБ-1, имеющейся в Государственной Публичной библиотеке Улан-Батора, что достаточно очевидно уже

при сопоставлении двух небольших отрывков, взятых нами из начала и конца рукописи ГПБ-1 и тибетских рукописей из коллекции Ш. Ламдинсуре́на:

ГПБ-1

(стр.3) Blam-a-luḡ-a yeke nigülesüḡci
ilḡal ügei-yin ülmei-dür beḡeringküi-ber
mörgümüi: maḡu üile-yin kilinče tüidker
büḡüde-ui sudulou böḡed arilḡan ḡokiyay-
san-ača burḡan-u oron-dur nigülesküi-yin
ḡoḡ-a-iyar tatan soyurḡ-a ... (стр. 123)...
ene ḡiḡsigsen asuru čaḡan buyan-u ači
küčü-iyer amitan büḡüde maḡu ḡayaḡan-u
ḡobalang-tu daḡaraldal ügei tngri kümün-ü
amuyulang-i edelekü bolḡu boltuḡai : maḡu
ḡayaḡan-u oron- nuḡud ülden ügei qoḡo-
sorḡu bolḡu boltuḡai : qutuḡ-tu-yin ner-e
aldar-i sonosuyčün-nuḡud maḡu ḡayaḡan-
ača maḡad getülküi-dür bolḡu boltuḡai:
amitan büḡüde-yin sedkil-i egüseḡsen-eče
burḡan-u oron-du ḡorčiqḡ bolḡu boltuḡai:
buyan egün-iyer amitan büḡüde-dür tusa-
yi kürgekü bolḡu boltuḡai.

(Формула поклонения, ГПБ-1): "С благоговением припадаю к ногам ламы и Велико-го милосердного. Соизвольте разъяснить и очистить все дурные деяния, грехи и препятствия и перенести /меня/ крючком милосердия к местопребыванию Будды!" (Послесловие): «... подобно этому, пусть силой воздаяния за былую добродетель все живые существа да не подвергнутся страданиям дурных перерождений, а испытывают благополучие тенгриев и людей! Пусть /они/ избегут /или/ не останутся в местах дурных перерождений! Пусть тот, кто слышал имя Хутухты воистину избежит участи дурных перерождений! Пусть все живые существа, обладающие высшими помыслами, проществуя в страну Будды! Да будет оказана помощь всем этим обладающим добродетелью живым существам!».

Рукопись ГПБ-1 – это вариант монгольского перевода "Повести о Чойджид-дагини", выполненного с особого тибетского варианта повести, отличного от использованного для большинства остальных монгольских переводов. Подобный вывод можно сделать даже на основании приведенных нами отрывков. Так, в отличие от заключительных благопожеланий, весьма разнообразных в различных вариантах повести, инициальная формула поклонения очень устойчива и совершенно неизменяема в рукописях ИЯЛ-2, ИЯЛ-3, ИЯЛ-4, В и даже в таких, несомненно различных, вариантах перевода, как заяпандитовский, и вариант, представленный в рукописи С-24 (рукописный фонд ЛО ИВАН), восходящих, по-видимому, к единому тибетскому прототипу: "Я и прочие шесть видов одушевленных существ почитаем ламу; Могущественного и Величественного, Полностью Победившего Будду; высшее учение и святое духовенство. Соизвольте устранить все препятствия греха и дурных деяний!" Формула поклонения рукописи ГПБ-1 существенно отличается от приведенной нами формулы большинства монгольских вариантов повести, и это указывает на то, что для этого перевода был использован иной, тибетский, вариант повести.

Среди рукописей и ксилографических экземпляров повести на монгольском языке, имеющих в Улан-Баторе, можно выделить еще несколько вариантов "Повести о Чойджид-дагини". Так, уже упомянутый заяпандитовский вариант перевода повести представлен там всего двумя рукописями (обе написаны ойратским "ясным письмом"); поэтому можно предположить, что он был по меньшей мере мало известен в Монголии нами пока не найдено ни одной халхаской или южномонгольской рукописи этого варианта повести. И наоборот, наибольшее, если не исключительное, распространение этот перевод получил среди ойратов и бурят, о чем можно судить по тому факту, что

Тиб. рукописи

Bla-ma dang thugs rje chen-po dbyer ma
mches-pa'i zhabs-la gus-pas phyag 'tshal
lo : las ngan 'sdig sgrib thams cad byang
zhing dag-par mdzad-nas sangs rgyas kyi
zhing-du thugs rje'i scags-kyus drang-du
gsol...
... 'di mtshon rnam dkar-gyi dge-ba'i stobs-
kyis sems-can thams-cad ngan song-gi sduḡ
bsngal mi myong-bar lha dang mi'i bde-ba
myong gyur cig : 'phags-pa'i mtshon thos-pa
rnamḡan ngan song las nges-par 'gro-par gyur
cig : sems-can thams cad byan-chub mchog-
tu sems bskyed nas sangs-rgyas kyi sar
bgrod-par gyur cig : dge-pa 'dis-can thams
cad-la phan 'dogs-par gyur cig ...

все, как ойратские, так и бурятские рукописи содержат именно заяпандитовский перевод этого произведения¹⁹. Этот же вариант был издан затем в Бурятии ксилографическим способом²⁰ и лег в основу литографированного петербургского издания "Повести о Чойджид-дагини" "ойратским ясным письмом"²¹.

Но если заяпандитовский перевод повести не был, видимо, распространен в Монголии, то другой вариант этого сочинения можно с полным основанием назвать халхаским. Этот вариант, содержащий три дополнительные по сравнению с иными вариантами главы, а также текст, частично написанный в стихах, известен по ургинскому ксилографу²² и по трем халхаским рукописям, имеющимся в уланбаторских собраниях (ГПБ-2, ГПБ-3, ГПБ-4).

Однако только одна из этих рукописей (ГПБ-3) может считаться несомненной копией ургинского ксилографа, который, по-видимому, также как и бурятское ксилографическое издание, является довольно поздним, на что указывает чрезвычайная ограниченность его распространения и то, что единственная, известная ныне за пределами МНР рукописная копия этого поэтического варианта повести, судя по надписи на ее верхней обложке, была сделана еще в 1902 г. не с ксилографического издания, а с "рукописного экземпляра, имевшегося в окрестностях Кяхты"²³. Текст этой копии так же, как и текст уланбаторских рукописей ГПБ-2, ГПБ-4, не совсем совпадает с текстом ксилографа. Видимо, этот халхаский вариант "Повести о Чойджид-дагини" не был поэтической переработкой обычного прозаического текста повести специально для издания его ксилографическим способом, и сейчас трудно с полной уверенностью сказать, монгольская это обработка или перевод тибетского поэтического варианта сочинения, кстати, наиболее отвечающего канонам тибетского театра, в котором, как известно, использовался сюжет этого произведения для театрализованных представлений на монастырской сцене²⁴. В пользу тибетского стихотворного оригинала повести указывает тот факт, что более поздние дополнительные вставные главы этого варианта, вероятнее всего, уже монгольского происхождения, содержат текст целиком в прозе, тогда как главы, общие для всех тибетских и монгольских вариантов "Повести о Чойджид-дагини", в халхаском варианте написаны в стихах. Из этого можно предположить, что в Халхе так же, как и в Бурятии, для ксилографического издания был выбран наиболее распространенный (а в данном случае еще и наиболее красивый, поэтический) вариант повести, существовавший там уже прежде в рукописном виде.

Среди уланбаторских материалов еще один вариант "Повести о Чойджид-дагини" представлен в рукописях ИЯЛ-2, ИЯЛ-4, отличающихся во-первых, иным, нежели в остальных монгольских рукописях и ксилографах, порядком глав:

о 35 ²⁵ :	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
ИЯЛ-2:	1	2 ²⁶	4	5	6	7	8	9	12	14	10	11	13	

Другой характерной особенностью этого варианта является сокращенное описание адов. Но сокращение это отличается от того, какое находим в халхаском варианте "Повести о Чойджид-дагини", где приведены названия всех разделов ада и вкратце перечислены страдания, ожидающие там грешников без указания грехов, ведущих к этим страданиям, как это последовательно повторено в других вариантах сочинения. Краткое описание адов в поэтическом халхаском варианте повести было, видимо, вызвано необходимостью устранения длинны описательных частей и придания этому варианту более четкой композиции в соответствии с требованиями сцены.

В рукописях ИЯЛ-2 и ИЯЛ-4 помещены описания только первого и последнего разделов горячего ада, совершенно не упомянуты "близлежащие" ады и очень кратко сообщается о холодных адах, т.е. сокращение в этом варианте произведено таким же образом, как это ныне делают иные нетерпеливые читатели, пропускающие описания, кажушиеся им скучными и неинтересными и фиксирующие при чтении только начало и конец такого отрывка.

Появление такого рода сокращений в описании адов показывает, что с распространением этого произведения происходила и переоценка значимости тех или иных

частей повести. Так, если в рукописи С-24 из собрания ЛО ИВ, старейшей по происхождению среди дошедших до нас письменных образцов повести, описание адов (весьма важного элемента в системе буддийской дидактики, в полной мере оцененного еще Цзонхавой) дополнено даже новыми эпизодами, то позже эти "адские страсти", довольно часто и однообразно описываемые в сочинениях буддийской поучительной литературы и неизменно следующие образцу описания адов, канонизированному в сочинении Цзонхавы "Лам-рим чэн-мо", стали привлекать значительно меньше внимание читателей (и зрителей), и основной интерес стало вызывать изображение сцен суда Эрлиг-хана над душами умерших. И, таким образом, вариант рукописей ИЯЛ-2, ИЯЛ-4 подтверждает правоту В. Баруха, писавшего, что "двенадцать описанных там допросов, занимающих три четверти рукописи — особенно привлекают внимание зрителей и интересуют их даже больше, чем описания ада"²⁷.

Этот же вариант "Повести о Чойджид-дагине" с измененным порядком глав содер- жится и в обеих чахарских рукописях, хранящихся в копенгагенской Королевской библиотеке²⁸, о чем можно судить на основании данных, приведенных В. Хейсигом в "Истории монгольской литературы"²⁹. Идентичность варианта, содержащегося в копенгагенских рукописях и в рукописях ИЯЛ-2, ИЯЛ-4, еще более подтверждается при сопоставлении небольшого отрывка из начала главы 3 рукописи Mong. 424, приведенного В. Хейсигом³⁰ с теми же фрагментами из уланбаторских рукописей:

Mong. 424

...bi tere kümün-dū adali buyan ki-
linče-yi toɣolan keleǰū čidaqu űgei :
bi ende irekū-yi ese medebe : ed idegen
minu amin-du jōbe ilegūū űgei man-u .
yaǰar alba yeke busu yaǰun kümün-dū
ōgǱgsen űgei : minu em-e ču sūsūg
űgei : bile bi ču ḡber-iyen beye kele
sedkil-ūn egūden-eče buyan bütūgeǰū
ese čidaba ...

ИЯЛ-2

... bi ene kümün-dū adili buyan kilinče-yi
niɣta toɣolaǰu keleǰū čidaqu űgei : bi
ende irekū-yi ese medebe : ed idegen minu
amin-du jōb : ilegūū űgei manai yaǰartu
alban-ača biši-yi kümün-dū űgǱgsen űgei
bi : minu em-e ču sūǰeg űgei bile : bi űgei-
yin bey-e kelen sedkel yurba-yin egūden-
eče buyan-ni bütūgeǰū ese čidabai bi....

И, наконец, еще один вариант "Повести о Чойджид-дагине", представленный в уланбаторских собраниях рукописями ИЯЛ-1 и ИЯЛ-3, аналогичен варианту, содержащемуся в рукописях F 183 и F 204 из рукописного отдела ЛО Института востоковедения АН СССР. Парафразом этого же варианта является текст уланбаторской рукописи "В"; текст в значительной мере сокращен, но, тем не менее, обнаруживает несомненную близость тексту указанных ленинградских рукописей и рукописи F 204 в особенности.

Итак, монголоязычные рукописи и ксилографическое издание "Повести о Чойджид-дагине" в уланбаторских собраниях содержат пять вариантов этого сочинения:

1. Западнитовский перевод повести (ИЯЛ-6, А).
2. Халхаский вариант (ИЯЛ-5, ГПБ-2, ГПБ-3, ГПБ-4).
3. Вариант повести с измененным порядком глав и сокращенным описанием адов, аналогичный варианту чахарских рукописей из копенгагенских коллекций (ИЯЛ-2, ИЯЛ-4).
4. Вариант повести, идентичный варианту уланбаторских тибетоязычных рукописей (ГПБ-1).
5. Вариант текста, совпадающий с вариантом рукописей F 183 и F 204 из собрания ЛО ИВАН СССР (ИЯЛ-1, ИЯЛ-3, В).

Несомненный интерес представляют также тибетоязычные рукописи повести, имеющиеся в коллекциях Улан-Батора и указывающие на распространение в Монголии тибетоязычного варианта "Повести о Чойджид-дагине", отличающегося от большинства монгольских вариантов, хотя тибетоязычные образцы этого сочинения, видимо, имели в Монголии ограниченное распространение, о чем свидетельствует тот факт, что там появился обратный перевод с монгольского языка на тибетский. О причинах осуществления такого перевода сообщается в коллофоне одной тибетоязычной рукописи повести, хранящейся в ИЯЛ АН МНР³¹.

"Хотя повесть о Чойджид-дагини, переведенная Зая-пандитой по напоминанию цорджи Намхай-Ринчина и записанная Ратнабхадрой, имеется в большом количестве (букв.: в изобилии) на монгольском языке, однако людей, знающих монгольскую письменность очень мало, поэтому, не найдя у себя на родине тибетского /текста этой повести/, перевели с монгольского на тибетский язык"³².

Таким образом сообщение, помещенное в послесловии этой тибетоязычной рукописи о том, что "Повесть о Чойджид-дагини" на монгольском языке в Монголии или в Бурятии (а речь, видимо, идет именно об этом регионе Центральной Азии, иначе откуда могло появиться упомянутое обилие рукописей на монгольском языке) некому было читать, поскольку "людей, знающих монгольскую письменность очень мало", свидетельствует о том приниженном положении, в котором находилась монгольская письменность в дореволюционной Монголии и Бурятии. И хотя "для большинства монголов письменный язык не утратил своего значения"³³, однако он был почти полностью исключен из употребления в основных центрах культуры того времени — монастырях, где тибетское письмо почти полностью вытеснило монгольское и все молитвы и писания читались только по-тибетски. В административных же учреждениях основным соперником монгольского языка был язык маньчжурский. И хотя большинство документов писалось и на маньчжурском, и на монгольском языках, роль основного государственного языка стал играть маньчжурский язык и даже в школах "дети обучались ... маньчжурской и монгольской грамоте, начиная непременно с маньчжурской азбуки, а потом уже ознакомлялись с монгольской"³⁴.

В заключение можно отметить, что монголоязычные рукописи и халхаское ксилографическое издание "Повести о Чойджид-дагини", дополняя материалы ленинградских и иных коллекций, показывают еще большую вариантность этого сочинения, характер и тенденции изменения его содержания, а также в сумме дают достаточный материал, позволяющий сделать с большей долей вероятности целый ряд выводов, таких, например, как о датировке появления ксилографических изданий, о территориальном распространении тех или иных вариантов повести.

Примечания

1. W. Baruch. Un mystère tibétain. La dame Tchokyid de Ling. — Cahiers du Sud. XXXV. 1948. с. 318.

2. Х. Лувсанбалдан. Тод үсэг, түүний, дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975, с. 94. А.Г. Сазыкин. Монгольская версия легенды о Чойджид-дагини. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. X. М., 1974, с. 88.

3. В Рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР имеются девять рукописей "Повести о Чойджид-дагини", а также несколько экземпляров бурятского ксилографического издания этого сочинения. Кроме того, в библиотеке ЛО ИВ находится литография повести, написанной ойратским "ясным письмом", изданная в С.-Петербурге в 1908 г. (См.: Б.Я. Владимирцов. Предисловие к книге: Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Л., 1927, с. xv).

Три рукописи этого сочинения хранятся в библиотеке Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова и две рукописи и несколько экземпляров бурятского ксилографа — в Рукописном отделе Бурятского института общественных наук Сибирского отделения АН СССР.

В европейских рукописных собраниях хранятся еще три рукописи повести, из них две — в Королевской библиотеке Копенгагена. (См.: W. Heissig. Catalogue of mongol books, manuscripts and xylographs. Copenhagen, 1971, с. 90. Одна рукопись принадлежит библиотеке г. Марбурга (ФРГ). См.: W. Heissig. Zum Totentanzmotiv in Zentralasien: Eine neue mongolische Version von Čoyičid dakini-yin namtar. — "Zentral-Asiatische Studien". 3. Wiesbaden, 1959, с. 129-207.

4. Jadamba. Collection of mongolian manuscripts from the private library of His Holiness *Jebtsundamba* Khutuktu in the State Public Library. — "Studia Mongolica". 1/6, 1959, Ulaanbaatur, с. 35. Жадамба. Улсын нийтийн номын сангийн бичмэл уран

зохиолын номын гарчиг. — "Studia Mongolica". 1/11. Улаанбаатар, 1960, с. 11, 78, 85. *Ulus-un nom-un sang-un Azi-yin анги-dur бүкүй mongгол анги-yin бичимел ба дарумал ном бичим-үд-үн бүридел*, Улаанбаатар, 1938, с. 69.

5. W. Heissig. *Geschichte der mongolischen Literatur*. Bd 1. Wiesbaden, 1972, с. 119. 142.

6. Под таким кратким заглавием эта рукопись упомянута в каталоге рукописей 8-го Джебцун дамба-хутухты, находящегося в настоящее время в фондах ГПБ Улан-Батора (см.: *Jadamba. Collection of mongolian manuscripts from the private library of ... Jebtsundamba kbutuktu*, с. 35).

7. Жадамба Улсын нийтийн номын сангийн бичмэл уран зохиолын номын гарчиг, с. 78.

8. Там же, с. 11.

9. Там же, с. 85.

10. Первый и последний листы этого экземпляра ксилографа приклеены к твердой картонной обложке и на внешней стороне верхней обложки и помещено такое рукописное заглавие сочинения. Однако это ксилографированное издание "Повести о Чойджид-дагини", судя по другим сохранившимся в своем первоначальном виде экземплярам этого же издания, имеющимся в частных собраниях рукописей и ксилографов академика Ц. Дамдинсурэна и сотрудника ИЯЛ АН МНР Д. Ёндона, а также в библиотеке уланбааторского действующего монастыря Гандан-Тэгчэнлин, не имеет печатного заглавия ни на обложке, ни в начале сочинения. Рукописное же заглавие, указанное на обложке, является сокращенным вариантом полного названия сочинения, приведенного в конце ксилографа на л. 115а: *Erdeni Çoyiïd dagini-yin namtar. Mungqar-un qaranguï-yi gevigüügçi bilig-ün yula kemegdekü* ("Биография драгоценной Чойджид-дагини под названием: "Свеча разума, освещающая мрак невежества").

11. W. Heissig. *Die Pekingener Lamaistischen Blockdrucke*. Wiesbaden, 1954, 3.

12. В. Хейсиг почему-то указывает объем этого ксилографа в 114 л. См.: W. Heissig. *Zum Totentanzmotiv in Zentralasien*, с. 129.

13. Х. Лувсанбалдан. Тод үсэг, түүний дурсгалууд, с. 215.

14. В отличие от коллекций монгольских рукописей и ксилографов, имеющих за пределами МНР, объединенных исключительно в рамках официальных собраний восточных рукописных материалов, собрания рукописей в МНР далеко не ограничены только официальными фондами, и большое число рукописей и ксилографических изданий находится в собраниях библиофилов, как, например, две упомянутые коллекции, которые принадлежат сотрудникам ИЯЛ, чьи научные интересы лежат в области старописьменной монгольской и тибетской литератур. Однако любовь и бережное отношение монголов к книге, о чем неоднократно упоминали монголоеды, посещавшие в свое время Монголию, позволили вплоть до наших дней сохранить большое число рукописей и ксилографов на старомонгольском письме, и нет сомнения, что и сейчас в уртах простых аратов хранится немало образцов старой монгольской и тибетской письменной литературы, подтверждением чему служат весьма успешные археографические экспедиции, проводимые ИЯЛ АН МНР, в результате которых за последние годы существенно пополнились собрания ГПБ и ИЯЛ. И хотя в целом судить о научной ценности новых поступлений пока не представляется возможным, так как эти материалы еще не разобраны, но даже те немногие образцы, которые уже атрибутированы и выделены среди этих поступлений, дают основание надеяться на появление интересных и ценных рукописей.

15. W. Baruch. *Un mystère tibétain*, с. 314.

16. Наиболее полно и последовательно идея изложения основ буддийской морали в виде послания владыки учения и ада Эрлиг номун-хана была реализована в другом сочинении, написанном Лобон-Бадма-жунаем и имеющем название, ничем практически не отличающееся от варианта заглавия, использованного в ойратских руко-

писях "Повести о Чойджид-дагини". В коллекции ойратских рукописей ИЯЛ АН МНР имеются три таких, очень сходных по названию, но не имеющих никакого отношения к "Повести о Чойджид-дагини", рукописи сочинения Лобон-Бадма-жуная, озаглавленные: *Erlig nomiyin xāni zakiqsan zarliq orošiboi* ("Поведение, посланное Эрлиг номун-ханом"); *Erlig nomiyin xāni zakiqsan zakāni sudur orošiboi* ("Сутра посланий Эрлиг номун-хана"); *Erlig nomiyin xāni zarliq surḡuliyin sudur orošiboi* ("Сутра наказов-пучений Эрлиг номун-хана"). См.: Х. Лувсанбалдан. Тод үсэг, түүний дурсгалууд, с. 216, № 65.

17. W. Baruch. Un mystère tibétain, с. 314.

18. а. Рукопись; 28 лл., размер страницы 44,5х9 см. размер текста 38х6,5; 7 строк на странице; бумага-русская, белая, с рельефным знаком: "Фабрики Ятес № 7"; чернила черные; перо.
- б. Рукопись; 43 лл., размер страницы 37х7,8 см, размер текста 31х5,5; 6 строк на странице; бумага русская, белая; чернила черные; перо.
- в. Рукопись; 43 лл., размер страницы 35,5х7,5 см, размер текста 29х5,5; 6 строк на странице; бумага русская, белая, с рельефным знаком: "Первушина сыновей в Вятке № 7"; чернила черные; перо.
- г. Рукопись; 35 лл., размер страницы 35,5х11 см. размер текста 27,5х9; 9-10 строк на странице; бумага русская, белая, с рельефным знаком: "Фабрики наследников Сумкина № 7"; чернила черные; перо.
- д. Рукопись; 32 лл., размер страницы 44х8,8 см, размер текста 35х6,5; 6 строк на странице; бумага русская, белая; чернила черные и красные; перо.

В отделе тибетских рукописей Государственной Публичной библиотеки Улан-Батора имеется еще одна рукопись этого же варианта и под тем же заглавием, хранящаяся там под шифром: 294.2/4-75.

19. Этот перевод "Повести о Чойджид-дагини" представлен в обеих, известных нам рукописях, хранящихся в рукописном фонде Бурятского института общественных наук Сибирского отделения АН СССР (КМ-987, КМ-1237), а также в двух бурятских рукописях, находящихся в собрании ЛО ИВ (о 1321, о 2589), и в трех (одной ойратской и двух бурятских) рукописях повести, принадлежавших библиотеке Восточного факультета ЛГУ (Сalm Д-15; Mōng. Д-7; Mong. В-8).

20. Простое, на первый взгляд вполне убедительное и, по-видимому, достаточно распространённое, поскольку слышать его нам доводилось неоднократно, объяснение такого преимущественного распространения в Бурятии заяпандитовского перевода "Повести о Чойджид-дагини" существованием там ксилографического издания этого перевода, послужившего якобы основой для всех последующих рукописных копий, при более внимательном изучении бурятских рукописных материалов повести представляется нам в значительной мере сомнительным.

Прежде всего, этот выполненный Зая-пандитой перевод повести в Бурятии существовал в двух вариантах, отличавшихся как целым рядом языковых особенностей, так и полнотой колофонов. Сосуществуют оба эти варианта перевода, по-видимому, достаточно давно, поскольку они уже содержатся в рукописях повести, доставленных О.М. Ковалевским в библиотеку Казанского университета из его поездок в Монголию и в Бурятию в 1829-31 гг. (см. Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньджурским и китайским книгам и рукописям, в Библиотеке Императорского Казанского Университета хранящимся, Казань, 1834, с. 15 (№ 107), с. 25 (№ 162)).

Обе эти рукописи в настоящее время находятся в библиотеке Восточного факультета ЛГУ. Бурятское ксилографическое издание "Повести о Чойджид-дагини", в котором использован один из вариантов заяпандитовского перевода, а именно, вариант с полным колофоном, имеющийся, кстати, в меньшинстве из дошедших до нас бурятских рукописей, было напечатано, вероятнее всего, в конце XIX в. или в начале нашего столетия. К подобной датировке нас склоняет тот факт, что это издание не упоминается ни в одном из пяти каталогов бурятских ксилографов, охватывающих период с 1866 по 1892 гг. (см.: Буриад модон барын номын таван гар-

чиг. — "Studia Mongolica". 1/16/ Улаанбаатар, 1959). Отсутствует этот ксилограф также и в коллекции Казанской Духовной Академии, представляющей достаточно полное и, что наиболее важно, точно датированное благодаря автографам хамбо-ламы Гонбоева собрание бурятских ксилографов. (Образец такого автографа см.: Л. С. Пучковский, Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. 1. История, право. М.—Л., 1957, с. 78). Из этого можно заключить, что не ксилографическое издание повести породило множество рукописных копий, а, наоборот, вариант заяандитовского перевода этого сочинения был издан ксилографическим способом в Бурятии именно потому, что и прежде в рукописном виде он был наиболее распространен в этой части монголызычного мира.

21. Текст для этой литографии, вероятнее всего, был подготовлен по ойратской рукописи СА1м. Д-15 из собрания библиотеки Восточного факультета ЛГУ.

22. ИЯЛ-5.

23. Рукопись L-3 (рукописный фонд ЛО ИВАН). См.: Б.Я. Владимирцов. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от профессора А.Д. Руднева, Пг., 1918, с. 1563.

24. W. Varuch. Un mystère tibétain, с. 312.

25. Для сравнения нами выбрано бурятское ксилографическое издание повести; порядок глав в этом издании типичен для большинства вариантов этого сочинения.

26. В этом варианте главы I и II не разделены.

27. W. Varuch. Un mystère tibétain, с. 318.

28. W. Heissig. Catalogue of mongol books, manuscripts and xylographs. Copenhagen, 1971, с. 90.

29. W. Heissig. Geschichte der mongolischen Literatur. Bd 1, с. 142-143, (прим. 149-152).

30. Там же, с. 143 (примеч. 162).

31. Заглавие рукописи: Gshin-rje chos-rgyal kyis-dge sdig-las phyi-ba'i rgyus-bzhugs ("Повесть об Эрлиг номун-хане, различающем добрые и греховные деяния").

Рукопись; 29 лл., размер страницы 40x11 см, размер текста 34x9; 10 строк на странице; бумага голубая; тушь черная, перо.

32. Х. Лувсанбалдан. Тод үсэг, түүний дурсгалууд, с. 94.

33. Д. Кара. Книги монгольских кочевников. М., 1972, с. 98.

34. А.М. Позднеев. Монголия и монголы, Т. 1. СПб., 1896, с. 310.